

УДК 811.9 (интерлингва):82(091)(история литературы)

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТА В ФИЛОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ

© 2016 Т.Н.Васильчикова

Васильчикова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотекovedения. E-mail: Vasilchikova5@mail.ru

Ульяновский государственный университет

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

В статье рассматривается проблема формирования теории интертекста в филологии в ее основных исторических этапах и персоналиях. Ставится вопрос различения понятий: «автор», «текст, читатель», «интертекст», «интертекстуальность», «метатекст», «прецедентный текст» – в зарубежной и отечественной литературоведческой науке. Делаются выводы о степени изученности и дальнейших перспективах изучения проблемы.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 115041410242 «Проблема разработки современных методологий филологического исследования: на примере исследования форм интертекстуальности и метатекстуальности романа И.А.Гончарова «Обломов».

Ключевые слова. Интертекстуальность, претекст, интертекст, метатекст, прецедентный текст, М.Бахтин, Ю.Лотман, Ю.Кристева, Р.Барт, М.Фуко.

К настоящему времени проблемы интертекста, метатекста, интертекстуальности признаны особо значимыми в гуманитарных науках. Накоплен опыт исторического и теоретического их осмысления, определен состав наиболее значимых исследований, среди авторов которых – имена выдающихся отечественных ученых XIX–XXI вв.

Основу интертекстуальных исследований в отечественной филологической науке заложил А.Н.Веселовский (1838–1906), автор фундаментального труда «Историческая поэтика», создавший оригинальную теорию влияния литературных сюжетов. Ученый впервые установил связь и зависимость между смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией [1].

Другим источником интертекстуальности в филологии стала теория анаграмматического текста, предложенная в качестве научной гипотезы швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857–1913), заложившим основы современной семиологии и структурной лингвистики. Анаграмма получает в его гипотезе новый смысл, связанный с ее особыми смыслопорождающими возможностями. При жизни ученого его гипотеза о роли анаграмм как едва ли не главного принципа индоевропейской поэзии древности и средневековья не получила широкой известности, но с течением времени интерес к ней все более возрастает. Примером могут послужить исследования А.В.Пузырева, И.А.Дементьева и других ученых [2].

Анаграмма понимается Ф. де Соссюром как способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Открытое ученым явление позволило получить наглядную модель того, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» имеет отношение к теории интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат». Гипотеза получили известность только в конце 1960-х годов и сразу привлекла внимание французских постструктуралистов, группировавшихся вокруг журнала «Тель Кель» (TelQuel). Юлия Кристева отводит этой проблеме специальный раздел в своей книге «Семиотика» (1969) под названием «О семиологии параграмм». Она подтверждает наблюдение Ф. де Соссюра о том, что явление параграмматизма (намеренное или бессознательное использование анаграмм), в первую очередь, наблюдается в рифмованных поэтических текстах. Новым является характерная для постструктурализма настойчивая попытка сближения языковых явлений и социальных процессов. Особое звучание это приобретает в условиях молодежного движения 1968 года, приближавшегося в масштабах к революционному перевороту. Через анализ параграмм постструктуралисты пытаются объяснить и даже смоделировать социальные явления, отводя семиотике ключевую позицию в революционном процессе, который якобы приобретает глобальный характер, так как сможет «соединить» грамматический (монологи-

ческий) и параграмматический (протестный, диалогический) процессы. Такое утверждение было чрезмерным, события 1968 года не подтвердили ожиданий.

Процесс формирования современных научных представлений об интертекстуальных функциях художественного текста проходит ряд исторических этапов. Сам термин «интертекстуальность» обязан рождением Юлии Кристевой и впервые прозвучал осенью 1966 года в ее докладе о творчестве М.М.Бахтина на семинаре ее учителя Ролана Барта, опубликованном весной 1967 года в виде статьи под названием: «Бахтин, слово, диалог и роман» [3]. Также ей принадлежит предисловие к французскому переводу книги «Проблемы поэтики Достоевского» («Разрушение поэтики», 1970), сборник статей «Semeiotikē. Исследования по семанализу» (1969) и книга «Текст романа» (1970). Исследовательница познакомила западный мир с личностью и научными идеями М.М.Бахтина. К этому времени Ю.Кристева была хорошо знакома с несколькими работами М.М.Бахтина разных лет: «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику». Особое внимание уделено ею работе Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где впервые формулируется идея художественного диалога культур, которая лежит в основе понятия «интертекстуальность», хотя сам термин ученым не употребляется. Позже он разовьет теорию диалогизма слова в работе «Проблемы поэтики Достоевского» (глава V. «Слово у Достоевского»): «Слово по своей природе диалогично», «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной) пронизана диалогическими отношениями» [4].

Уже М.М.Бахтин подчеркивал, что диалогический характер слова не ограничен настоящим временем, что впоследствии обязательно учитывается в практике интертекстуального анализа. По определению И.П.Ильина, «помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном “диалоге”, понимаемом как борьба писателя с существующими

литературными формами» [5]. В работе «Марксизм и философия языка» (1929) М.М.Бахтин продолжает развивать идеи диалогизма речевого высказывания и вводит два новых аспекта: во-первых, рассматривает диалогичность как свойство не только устного, но и письменного высказывания в тексте, которое выражается, в частности, в делении текста на абзацы, которые он идентифицирует с репликами в диалоге. Во-вторых, ставится вопрос конструкций для передачи чужой речи. Он пишет по этому поводу: «Продуктивное изучение диалога предполагает более глубокое исследование форм передачи чужой речи, ибо в них отражаются основные и константные тенденции активного восприятия чужой речи» [6].

В работе «Проблемы речевых жанров» ученый доказывает, что «всякое понимание живой речи носит активно-ответный характер» и выделяет две формы отклика на понятую живую речь: 1) активно-ответное понимание, которое реализуется немедленно непосредственно в действии (например, исполнение); 2) активно-ответное понимание замедленного действия. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны на активно-ответное понимание замедленного действия.

На основании концепции активно-ответного характера живого высказывания М.М.Бахтин приходит к выводу об амбивалентности говорящего субъекта: он не только *говорящий субъект, но и отвечает на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории* [7].

В свете сказанного предметом филологического исследования должно быть диалогическое взаимодействие двух величин: передаваемой («чужой») речи и передающей («авторской») речи. Это положение теории диалога дает возможность рассмотреть текст в его *горизонтальном и вертикальном значении* – как обращенный к «здесь и сейчас», то есть к собеседникам и слушателям, воспринимающим текст непосредственно и сегодня, так и обращенным к «вчера», к прошлому. Такое понимание текста позволяет увидеть совокупность его смыслов и значений и определить силу и направление его воздействия на слушателя. Вовлеченность субъекта речи в «культурный диалог» – необходимая составляющая теории интертекста, которая разрабатывается М.Бахтиным на протяжении 60-х годов, вбирая такие понятия, как беспрестанно растущая «текстовая цепь», звеном которой является каждое конкретное высказывание; «незавершимый» в принципе диалогический «контекст», «большое время» культуры, кото-

рые прочно вошли в современную культуру и методологию гуманитарных наук и изменили их характер. Следствием является и представление о культуре как о безграничном процессе создания и постижения смыслов.

Научные идеи Бахтина и, в первую очередь, идея культурного диалога переосмыслены Ю.Кристева, трактующей диалогизм преимущественно как *диалог между текстами*. Дальнейшее развитие идеи диалога получают в работах Р.Барта (1915–1980), который совместно с другими французскими структуралистами в 60–70-е годы XX века разрабатывает новую методологию гуманитарных наук. Собственно, структуралистский период деятельности Барта – 60-е годы. Постструктуралистский, который Г.К.Косиков называет «блестящим», – период 70-х годов. Но уже в 1947–50-х годах Барт публикует во французской газете «Комба» («Combat») серию литературно-методологических статей, в которых пытается «марксизировать экзистенциализм», ищет «третье измерение» художественной формы, которое называет условным термином «письмо». Летом 1955 года он знакомится с «Курсом общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, идеи которого относительно имманентных процессов в языке, в частности, феномена анаграмм, были учтены в его дальнейших научных поисках. В итоге уже к середине 50-х годов, под преимущественным влиянием социального анализа Б.Брехта и семиологии Ф. де Соссюра Барт осознает, что все явления культуры, от идеологического мышления до искусства и философии, могут быть восприняты как система знаков, а их назначение и воздействие можно эксплицировать и рационально объяснить. В середине 60-х годов он пишет работы: «Система моды», «Основы семиологии», «Мифология». Именно он предпринимает первые попытки превратить семиологию из описательной науки в науку «критическую» и более того – действенную. С этим связано его влияние на теорию и литературную практику левого интеллектуально-художественного авангарда во главе с группой «Тель Кель» (Tel Quel), включавшей Ф.Соллерса, Ю.Кристева и других. Р.Барт разрабатывает основные положения коннотативной семиотики, применяет их для анализа литературной «формы», которая, как он говорил уже в работе «Нулевая степень письма», должна быть понята как один из многих типов социального «письма», «пропитанного культурными ценностями и интенциями, помимо собственного авторского содержания, которое она “выражает”, и потому обладающего “собственной силой смыслового воздействия”» [8, с.10].

Постструктуралисты и деконструктивисты совершают своего рода революцию в литературоведении как науке. В книге «О Расине» (1963) Р.Барт начинает процесс преодоления позитивистских горизонтов, разрушая принципы причинно-следственных связей, лежащие в основе традиционного изучения «истории литературы». Как отмечает Г.К.Косиков, Барт как бы «методологически узаконивал существование всех тех направлений в послевоенном французском литературоведении (экзистенциализм, структурная поэтика и др.), которые, опираясь на данные современных гуманитарных наук, противостояли механической «каузальности» и эмпиризму позитивистских литературно-критических штудий» [9, с.9]. Сборник «О Расине» вызвал ожесточенные нападки со стороны позитивистской «университетской критики». Ответом Барта стало эссе «Критика и истина» (1966), сыгравшее роль манифеста «новой критики», после появления которого он стал главой этого направления. Итоговое и самое шокирующее положение деконструктивизма о «смерти автора» (Р.Барт) восходит к формуле «смерть субъекта» Мишеля Фуко, как следствие невозможности для творящей личности создать принципиально новый текст, поскольку каждый «новый» «растворяется» в явных или неосознанных цитатах из предшествующих текстов. В свете деконструктивистского представления о природе литературного творчества новый текст как понятие «нового слова» в принципе невозможен, так как всякое «новое» возникает в результате повторения уже сказанного и различной комбинации цитат. В созданной в 1969 году книге М.Фуко «Археология знания» («L'Archeologie du savoir») ставится вопрос о возможности в принципе определить единицы дискурса. При этом автор ставит под сомнение как материальное, так и дискурсивное единство книг, то есть их персональную неповторимость. Именно рассуждения Фуко о невозможности определить строгие границы художественного текста далее развиваются Р.Бартом и положены им в основу деконструктивизма, отрицающего базовые для традиционного литературоведения понятия «автор», «произведение» и даже «читатель». Естественно, что отсутствие «границ» художественного текста приводит к сомнению относительно объективности существования самого «произведения». Переход к итоговой «*деконструкции понятий*» в теории Фуко логически закономерен: «Так ли уж нам необходимы такие понятия, как “книга”, “произведение” или даже такие общности, как “наука” или “литература”? Надо ли оставаться в плену иллюзий, неплодотворных и безосновных?» [10].

Влияние деконструктивистских идей М.Фуко отчетливо ощущается в работах Р.Барта «Смерть автора», «Мифология», «Удовольствие от текста», «О Расине». Определение интертекстуальности, данное Бартом в работе «Смерть автора», приобрело в настоящее время хрестоматийную известность, стало каноническим в теории постструктурализма: «...каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [11].

Именно от этого итогового вывода деконструктивизма начинается своего рода идейная «развилка» между дальнейшим формированием теории интертекста в отечественной филологии и в западной. «Традиционная» филология идет своим путем, учитывая новые возможности изучения художественного произведения, которые открываются с введением понятия «интертекстуальность». Деконструктивистские стратегии уводят в сторону отрицания понятия «автор», а затем и «читатель», размывания понятия «текст» до его полной глобализации, когда мир понимается как гипертекст, в котором все уже было сказано. Среди европейских ученых такой расширительной концепции придерживаются далеко не все, активно от нее отмежевываются сторонники коммуникативно-дискурсивного анализа (нарратологии), так как структуралистское понимание интертекста приводит к обесцениванию акта коммуникации как такового.

В истории отечественной гуманитарной науки теория диалогизма текста М.М.Бахтина находит дальнейшее продолжение в деятельности Тартуской семиотической школы, в первую очередь, в исследованиях по семиотике Ю.М.Лотмана (1922–1993): «Текст в тексте», «Статьи по семиотике культуры и искусства», «Семиотика культуры и понятие текста». Если структуралисты отрицают факт персонификации и авторский характер художественного текста, то отечественная семиотическая школа изучает и разрабатывает его специфику. Понятие «текст» занимает в исследованиях Ю.М.Лотмана центральное положение, но трактуется очень широко, применительно к культуре в целом. Определение Лотмана «текст в тексте», собственно, и передает суть явления интертекстуальности как «переключки текстов» в художественном произведении. Ученый касается вопроса двойственности всякого художественного произведения, которое, являясь самостоятельным, включает и дополни-

тельные «чужие» повествования. Именно на этом основан эффект диалога текстов. В отличие от деконструктивистов, отрицающих авторский характер каждого художественного текста, Лотман выделяет *литературный текст* в особую категорию интеллектуального текста, настаивает на его уникальной специфике. Он выделяет создание художественного литературного произведения как «качественно новый этап в усложнении структуры текста». Такой новый текст вступает в сложные отношения «как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату; обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память». Вследствие этого текст «обнаруживает свойства *интеллектуального устройства*» и не только передает вложенную в него извне информацию, но и «трансформирует сообщения и выражает новые» [12]. При этом усложняется и расширяется социально-коммуникативная функция текста. Ю.М.Лотман выделяет основные функции такого «интеллектуального текста», ставит вопрос о возможных формах включения «чужого текста» в авторский, что в его интерпретации связано с семиотикой пространственно-временной структуры произведения. Он называет и анализирует такие формы «врезки» чужого текста, как сон, вставные новеллы, документ, разграничивая понятия подлинной реальности и условной реальности художественного мира. В дальнейшем эти теоретические положения развиваются в его комментариях к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» [13].

Значительный вклад в теорию интертекстуальности вносит известный отечественный ученый Б.М.Гаспаров. В книге «Язык, память, образ: лингвистика языкового существования» он так же, как Ю.М.Лотман, ставит вопрос цитации «чужого текста» и форм включения его в речь субъекта или в авторский художественный текст. По мнению ученого, наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», «черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [14]. Ученый вносит в теорию интертекстуальности новые аспекты, важнейшим из них является понятие «коммуникативного фрагмента» как «первичной, непосредственно заданной в сознании единицы языковой деятельности», которая хранится в памяти говорящего и которой он оперирует как готовым блоком при создании и интерпретации высказываний. Процесс смыслопорождения всегда «вращается вокруг наличного языкового произведения, от него исходит и к нему возвращается» [15].

Теория культурного диалога и диалогического характера письменного и устного речевого высказывания, разработанная М.М.Бахтиным, категория «текста в тексте» Ю.М.Лотмана, понятие «коммуникативного фрагмента» Б.М.Гаспарова находят дальнейшее осмысление в работах ряда современных отечественных исследователей, таких, как Т.В.Шмелева, И.В.Труфанова, рассматривающих метатекст как часть модуса высказывания [16].

В современной филологии разграничиваются понятия «интертекстуальность» и «интертекст». Интертекстуальность понимается учеными единообразно: как диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, способствующее обнаружению глубинных смыслов исходного художественного текста. Но однозначности в трактовке понятия «интертекст» среди филологов не существует, что говорит о продолжающемся характере процесса формирования теоретических представлений. Под «интертекстом» сегодня может пониматься: 1) Любой текст, в котором просвечивается все возможное множество претекстов. 2) В.П.Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» определяет интертекст как «основной вид и способ построения художественного текста», состоящий в том, что текст строится с обязательным использованием цитат и реминисценций из других текстов» [17]. 3) Совокупность всех существующих текстов. По определению Н.А.Кузьминой, «история поэтического языка – это история текстов или, иначе говоря, история интертекста» [18]. 4) Определенный уровень дискурсивной модели текста. По мнению О.Н.Гришковой, «в дискурсивной модели текста присутствует уровень интертекстов, который важен для адекватного понимания текста» [19]. 5) М.Л.Гаспаров акцентирует момент повтора в интертексте, трактуя его как «словосочетание, повторенное в поэзии несколько раз, так что новое употребление заставляет вспомнить о старом» [20]. 6) Ю.С.Степанов определяющим свойством интертекста считает «явление контаминации текстов двух или более авторов» [21].

По мнению профессора И.И.Чумак-Жунь, успешное разграничение категорий «интертекстуальность» и «интертекст» возможно при условии их соотносительности с исходным понятием – «текст». Если интертекстуальность – это одно из имманентных свойств текста, которое обнаруживается в различных текстовых знаках (кавычки, цитирование, ссылка и т.д.), то интертекст – это совокупность текстов, содержащих отсылки к общему источнику или друг к другу, то есть имеющих общую пресуппозицию [22].

Как можно заключить, теория интертекста до сих пор находится в процессе развития. При всех

различиях в трактовке проблемы в основе понимания интертекстуальности вплоть до сегодняшнего дня продолжает оставаться теория культурного диалога и переключки культур, созданная и развитая М.М.Бахтиным еще в 20-е годы. При этом интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний, так как она представляет собой общее поле анонимных культурных знаков и формул, происхождение которых не всегда легко или даже невозможно проследить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых, по словам Р.Барта, «без кавычек». Из данного положения следует, что в интертексте язык представляет собой «гигантский мнемонический конгломерат», в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны [23].

В филологических исследованиях двух последних десятилетий продолжает расширяться база теоретических категорий. Так, в теорию интертекста включается новое понятие «прецедентности высказывания». Впервые термин «прецедентный текст» введен в научную практику Ю.Н.Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. Ученый называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в речи данной языковой личности» [24].

Вслед за Ю.Н.Карауловым свой вклад в теорию прецедентного текста внесли другие отечественные исследователи. Среди них – Г.Г.Слышкин, который понимает под «прецедентным текстом» «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» [25]. Таким образом, обязательными свойствами такого текста считаются его связность и одинаковая ценность для определенной социальной группы, однако расплывчато само это понятие – под группой можно понимать и семью, и коллектив сотрудников, и людей одной профессии.

Определяя свойства прецедентных текстов, некоторые исследователи, например, Н.А.Кузьмина, отмечают их большие «энергетические возможности». Исследовательница рассматривает межтекстовое взаимодействие с позиций «энергообмена»

между текстами различной «энергоемкости» [26]. В этой связи в лингвистике последних лет утвердились понятия «сильный текст», «ядерный текст». По определению Г.В.Денисовой, «сильные тексты» означают постоянно востребуемые, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [27]. Именно «сильные» прецедентные тексты обладают очень значительной энергоемкостью. В.Н.Иноземцева исследует с этой точки зрения заглавия методических работ на английском языке и приходит к выводу, что для носителей английского языка «сильными» являются тексты пьес В.Шекспира, которые они опознают, даже встретив в названии методического материала [28].

В работах В.В.Красных производится дальнейшее расширение теоретической базы, вводится понятие *прецедентные феномены*, в составе которых разграничиваются *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [29].

Можно заключить, что уже к 90-м годам XX века теория интертекста в отечественной науке сформировалась в своих основных позициях. Процесс теоретического осмысления проблемы текста, однако, не только не завершен, но, видимо, в принципе не может завершиться. Но по мере накопления теоретических знаний наступает момент, когда интертекстуальная теория достаточно оформилась, чтобы на ее основе могла возникнуть новая стратегия и тактика филологического анализа. Интертекстуальный анализ литературного произведения в настоящее время имеет равные права

со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста. Интересные наблюдения в этой связи были сделаны известным отечественным ученым, переводчиком, профессором МГУ Г.К.Косиковым (1944–2010), которому принадлежит пальма первенства в истолковании постструктурализма и деконструктивизма в отечественной филологии и переводе работ Р.Барта на русский язык. Ученый предложил ограничить и конкретизировать сам предмет интертекстовой теории. Со ссылкой на работу французского исследователя Лорана Женни «Стратегия формы» (1976) он советует сузить и конкретизировать сами исходные понятия интертекстовой теории: «текст» и «интертекст», размежевав сферы интертекстуальности и интердискурсивности. Особенно важно отметить, что с интертекстуальной теорией Г.К.Косиков связывал возможность появления нового исследовательского направления в отечественном литературоведении – интертекстуальной поэтики или поэтики интертекста.

Наблюдения Г.К.Косикова подводят своеобразный итог в развитии интертекстуальной теории и намечают дальнейшие перспективы ее развития и использования в целях изучения закономерностей культурного развития, усовершенствования методики филологического анализа. Пространство культуры – это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов.

1. Веселовский, А.Н. Из введения в историческую поэтику // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., Высшая школа, 1989. С. 51–52.
2. Дементьев, И.О. Что (не) написал Соссюр: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестник Балтийского Федерального университета им. И.Канта. 2015. Вып. 8. С. 17–25; Пузырев А.В. «Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления»: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1995.
3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5.
4. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советская Россия, 1979. С. 212.
5. Ильин, И.П. Интертекстуальность. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М., INTRADA, 2004. С. 164.
6. Волошинов, В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л., Прибой, 1930. С. 126.
7. Бахтин, М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. С. 235–236.
8. Косиков, Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К.Косикова, Б.Н.Нарумова, В.Ю.Лукасик. М., Изд-во ЛКИ, 2008. С. 10.
9. Косиков, Г.К. Текст.... С. 9.
10. Фуко Мишель. Единицы дискурса / Археология знания / пер. с фр. Киев, Ника-центр, 1996. С. 25.
11. Барт, Р. Смерть автора // Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г.К.Косикова. М., Прогресс, 1989. С. 391.
12. Лотман, Ю.М. Текст в тексте // Уч. записки Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 567. С. 5–6. Курсив наш.
13. Лотман, Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман, Ю.М. Пушкин: биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990 гг.; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., Просвещение, 1995. С. 395–411.

14. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., Новое литературное обозрение, 1996. С. 320.
15. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: .... С. 122.
16. Шмелева, Т.В. Диалогичность модуса высказывания // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147–156;
17. Труфанова, И.В. Аспекты теории диалога в работах М.М.Бахтина и их развитие в современной лингвистике. www.sibac.info/2009-07-01-10-21
18. Пузырев, А.В. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1995. С. 155.
19. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., Едиториал УРСС, 2004. С. 51–52.
20. Гришкова, О.Н. Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: XI международный конгресс исследователей русского языка. М., Изд-во МГУ, 2004. С. 386.
21. Гаспаров, М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4. С. 9.
22. Степанов, Ю.С. Интертекст. Интернет. Интертсубъект: к основаниям сравнительной концептологии // Известия АН. Серия лит. и яз. 2001. Т. 60. № 1. С. 3.
23. Чумак-Жунь, И.И. Еще раз об интертекстуальности и интертексте: к разграничению понятий в лингвистике // Текст как единица филологической интерпретации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, Изд-во ООО «Немо Пресс», 2011. С. 254.
24. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: ..... С. 320.
25. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Наука, 2006. С. 216.
26. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., Academia, 2000. С. 128.
27. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. .... С. 51–53.
28. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., Азбуковник, 2003. С. 297.
29. Иноземцева, Н.В. Прецедентный и интертекст как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010, том 12, №3, С.167-169. http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_3_167_169.pdf
30. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М., Гнозис, 2002. С.47.

THE THEORY OF INTERTEXTUALITY IN PHILOLOGY: MAIN STAGES OF HISTORICAL FORMATION

© 2016 T.N.Vasilchikova

Tatyana Nikolaevna Vasilchikova, Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism and Philology, Records Management and Library Science. E-mail: Vasilchikova5@mail.ru

Ulyanovsk State University

The article deals with the problem of intertextuality theory in its basic stages and personalities. The question of the distinction between the concepts of “author”, “text”, “intertext”, “metatext” in foreign and domestic literary is raised. Conclusions on the degree of study and future prospects of the development of the problem are made. It is possible to conclude that by 90th of the 20th century the theory of an intertext in domestic science occupied its main positions. The process of theoretical understanding of the problem of the text, however, is not only finished but probably cannot be completed at all. But in the process of accumulation of theoretical knowledge the moment comes when the intertextual theory was formed enough to create a new strategy and tactics of the philological analysis on its basis. Intertextual analysis of a literary work has equal rights with all other forms of analytical study of the literary text nowadays. G.K.Kosikov's observations sum a peculiar result in development of the intertextual theory up and plan the further prospects of its development and use for studying of regularities of cultural development, improvement of a technique of the philological analysis. *Cultural space* is a place of mutual orientation and interaction of texts when any of them can be read as a product of absorption and transformation of a set of other texts.

Key words. Intertextuality, pretext, intertext, metatext, precedent text, M.Bakhtin, Y.Lotman, Yu.Kristeva, R.Barthes, M.Foucault.

1. Veselovskii, A.N. Iz vvedeniia v istoricheskuiu poetiku (From introduction to historical poetics) // Veselovskii A.N. *Istoricheskaia poetika*. М., Vysshiaia shkola, 1989. S. 51–52.
2. Dement'ev, I.O. Chto (ne) napisal Sossiur: polveka diskussii o teorii anagramm (What Saussure (did not) write: half a century discussions about the theory of anagrams) // *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo universiteta im. I.Kanta*. 2015. Vyp. 8. S. 17–25; Puzyrev A.V. «Anagrammy kak iavlenie iazyka. Opyt sistemnogo osmysleniia» (“Anagrams as language phenomenon. Experience of system understanding”): dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 1995.

3. Kristeva, Iu. Bakhtin, slovo, dialog i roman (Bakhtin, word, dialogue and novel) // Dialog. Karnaval. Khronotop. Vitebsk, 1993. № 4. S. 5.
4. Bakhtin, M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo (Problems of poetics of Dostoyevsky). M., Sovetskaia Rossiia, 1979. S. 212.
5. Il'in, I.P. Intertekstual'nost'. Zapadnoe literaturovedenie XX veka (Intertekstualnost. Western literary criticism of the 20th century): entsiklopediia. M., INTRADA, 2004. S. 164.
6. Voloshinov, V.N. (Bakhtin M.M.). Marksizm i filosofiia iazyka: osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke i iazyke (Marxism and philosophy of language: the main problems of a sociological method in science and language). L., Priboi, 1930. S. 126.
7. Bakhtin, M.M. Problemy rechevykh zhanrov (Problems of literary genres) // Bakhtin M.M. .Estetika slovesnogo tvorchestva. M., Iskusstvo, 1979. S. 235–236.
8. Kosikov, G.K. Tekst / Intertekst / Intertekstologiya (Text / Intertekst / Intertekstology) // P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti / per. s fr. G.K.Kosikova, B.N.Narumova, V.Iu.Lukasik. M., Izd-vo LKI, 2008. S. 10.
9. Kosikov, G.K. Tekst (Text) .... S. 9.
10. Fuko Mishel'. Edinitsy diskursa /Arkheologiya znaniia (Discourse units/archeology) / per s fr. Kiev, Nika-tsentr, 1996. C. 25.
11. Bart, R. Smert' avtora (Death of the author) // Bart Rolan. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika / per. G.K.Kosikova. M., Progress, 1989. S. 391.
12. Lotman, Iu.M. Tekst v tekste (The text in the text) // Uch. zapiski Tartuskogo gos. un-ta. 1981. Vyp. 567. S. 5–6. Kursiv nash.
13. Lotman, Iu.M. Roman v stikhakh Pushkina «Evgenii Onegin». Spetskurs. Vvodnye lektsii v izuchenie teksta (The novel in Pushkin's verses "Eugene Onegin". Special course. Introduction lectures in studying of the text) // Lotman, Iu.M. Pushkin: biografiia pisatel'a. Stat'i i zametki. 1960–1990 gg.; «Evgenii Onegin»: Kommentarii (Eugene Onegin: Comment). SPb., Prosveshchenie, 1995. S. 395–411.
14. Gasparov, B.M. Iazyk, pamiat', obraz: lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia (Language, memory, image: linguistics of language existence). M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. S. 320.
15. Gasparov, B.M. Iazyk, pamiat', obraz (Language, memory, image): .... S. 122.
16. Shmeleva, T.V. Dialogichnost' modusa vyskazyvaniia (Dialogueness of statement mode) // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 1995. № 5. S. 147–156;
17. Trufanova, I.V. Aspekty teorii dialoga v rabotakh M.M.Bakhtina i ikh razvitie v sovremennoi lingvistike (Aspects of the theory of dialogue in M. M. Bakhtin's works and their development in modern linguistics). www.sibac.info/2009-07-01-10-21
18. Puzyrev, A.V. Anagrammy kak iavlenie iazyka. Opyt sistemnogo osmysleniia (Anagrams as language phenomenon. Experience of system understanding) : dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 1995. S. 155.
19. Kuz'mina, N.A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evoliutsii poeticheskogo iazyka (Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language). M., Editorial URSS, 2004. S. 51-52.
20. Grishkova, O.N. Intertekst v aspekte diskursivnogo ponimaniia teksta (Intertext in the aspect of discourse understanding of the text) // Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': XI mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo iazyka. M., Izd-vo MGU, 2004. S. 386.
21. Gasparov, M.L. Literaturnyi intertekst i iazykovoii intertekst (Literary intertext and language intertext) // Izvestiia AN. Ser. lit. i iaz. 2002. T. 61. № 4. S. 9.
22. Stepanov, Iu.S. Intertekst. Internet. Intertsub"ekt: k osnovaniiam sravnitel'noi kontseptologii (Intertext. Internet. Intersubject: to the bases of a comparative cognitive science) // Izvestiia AN. Seriya lit. i iaz. 2001. T. 60. № 1. S. 3.
23. Chumak-Zhun', I.I. Eshche raz ob intertekstual'nosti i intertekste: k razgranicheniiu poniatii v lingvistike (Once again about intertextuality and intertext: to differentiation of concepts of linguistics) // Tekst kak edinitsa filologicheskoi interpretatsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk, Izd-vo OOO «Nemo Press», 2011. S. 254.
24. Gasparov, B.M. Iazyk, pamiat', obraz (Language, memory, image): ..... S. 320.
25. Karaulov, Iu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' (Russian language and language personality). M., Nauka, 2006. S. 216.
26. Slyshkin, G.G. Ot teksta k simvolu: ligvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse (From the text to a symbol: ligvocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse). M., Academia, 2000. S. 128.
27. Kuz'mina, N.A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evoliutsii poeticheskogo iazyka (Intertext and its role in the processes of evolution of poetic language). .... S. 51–53.
28. Denisova, G.V. V mire interteksta: iazyk, pamiat', perevod (In the world of Intertext: language, memory, translation). M., Azbukovnik, 2003. S. 297.
29. Inozemtseva, N.V. Pretседentnyi i intertekst kak markery angloiazychnogo nauchno-metodicheskogo diskursa (na materiale angloiazychnykh statei po metodicheskoi problematike) (Precedent texts and intertext as markers of an English-speaking scientific and methodical discourse (based on the material of English-language articles of methodical problem)) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2010, tom 12, №3, S.167-169. http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2010/2010_3_167_169.pdf
30. Krasnykh, V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya (Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics): Kurs lektsii. M., Gnozis, 2002. S.47.